

Эти два слова не выходили у него из головы. Они впились в память, как заноза под ногтем. Сюй Сяочжэнь вздрогнул — по-настоящему, физически, будто его окатили ледяной водой. Он машинально сжал правую руку, коснувшись безымянного и мизинца — пальцев, которые до сих пор не гнулись как следует.

При падении он, кажется, снова ушиб их, и теперь ныла каждая косточка. Эти два пальца болели каждый раз, когда на улице шёл дождь, а если приходилось много писать — начинали дрожать и не слушались. Всё из-за него. Из-за того дня.

Он помнил его до мельчайших деталей. Тогда Чэнь Исунь только перевёлся.

После урока Сюй Сяочжэнь еле держался на ногах от усталости, пошёл умыться и привёл себя в порядок. Стоял у раковины в туалете, брызгал в лицо холодную воду, когда в помещение шумно вошёл Чэнь Исунь с целой свитой за спиной.

Он посмотрел на него пару секунд. Ни слова не сказал. Просто подошёл и с силой опустил его голову в раковину.

Сюй Сяочжэнь до сих пор не знает, сколько времени он провёл под водой, захлёбываясь, дёргаясь, скребя по кафелю. Всё плыло, воздух рвался из груди, лёгкие будто сжались. И когда он почти потерял сознание, его просто швырнули на пол, как тряпичную куклу.

А потом Чэнь Исунь наступил ему на руку. Он услышал треск — сухой, резкий, как если бы что-то внутри сломалось. Рука почти сразу вздулась, распухла до неприличия, словно грязная редька, только что вырванная из земли.

Эти два пальца с тех пор так и не стали прежними.

Всё это — его работа.

Ходили слухи, что после неудачной дифференциации у Чэня съехала крыша. Тогда Сюй Сяочжэнь не верил. Теперь верил. Только не думал, что всё может пойти так далеко.

Хотя... иногда, когда становилось совсем невыносимо, он ловил себя на злорадных мыслях: вот и поделом. Ему казалось, что если в этом мире и есть хоть немного справедливости, то она как раз в том, что Чэнь провалил дифференциацию. Пусть знает, каково это — быть сломленным.

После того как Чэня увезли, сперва было тихо — только испуганный шёпот, доносившийся из разных сторон, но вскоре он перерос в открытые обсуждения. Люди уже не стеснялись говорить вслух, что с ним, скорее всего, всё кончено.

Сюй Сяочжэнь невольно замер. Сердце на секунду дрогнуло — то ли от страха, то ли от предчувствия чего-то большого — а потом вдруг резко подпрыгнуло от радости. Неужели правда? Неужели он наконец исчезнет? Такому, как он, давно пора было исчезнуть. Было бы даже лучше, если бы его и на свет не появлялось.

Он почти уже улыбнулся, когда почувствовал на себе взгляд. Чжоу Янь смотрел на него — в упор, внимательно, с каким-то странным выражением, которое невозможно было сразу расшифровать. Сюй Сяочжэнь поспешно убрал с лица торжество, натянул жалостливую маску, изобразил тонкий, сочувственный вздох.

— Хотя... — тихо начал он, словно рассуждая вслух, — хотя Чэнь Исунь, конечно, не хороший человек... но ведь мы всё-таки были одноклассниками... Если он правда умрёт... это же ужасно... Правда, Чжоу Янь? Ты думаешь, его отец может и вправду убить собственного сына?

Он знал — бета должны быть мягкими. Покладистыми. Ещё лучше — немного боязливыми. Чтобы их можно было защищать. Чтобы рядом с ними чувствовать себя героем.

И он учился быть именно таким. На всякий случай. По крайней мере, первые восемнадцать лет своей жизни Сюй Сяочжэнь честно считал себя типичным бетой. Мягким, вежливым, покладистым — как и положено.

Когда же он вдруг начал замечать, что Чжоу Янь ему нравится... он взбесился. По-настоящему.

Как можно было влюбиться в такого — грубого, раздражительного, совершенно не ласкового? Да он и слушать никого не станет. Какая, к чёрту, семья, если один командует, а второй только терпит? И вообще — почему он выше него ростом?

Потом всё случилось. Дифференциация. Жар. Секс.

Он стал тише. Спокойнее. Принял реальность: нет, он не «альфа». Он — тот, кто лежит снизу. Тот, кто ждёт и замирает от прикосновений.

Вот почему они всё время ссорились. Потому что оба — пытались быть первыми.

Теперь он понял: омега — это, по сути, жена. Всё равно чья: альфы или беты. Главное — быть кому-то нужным. Быть рядом. И если ради этого нужно уступить, стать мягче — значит, он уступит.

Он знал: беты любят добрых и послушных. А он теперь буквально с ума сходил по Чжоу Яню. Даже если приходится притворяться святым, он готов. Ради него — готов на что угодно.

...

В это время Чэнь Исунь ехал в чёрной машине. Втиснутый в угол заднего сиденья, между двумя телохранителями семьи Чэнь. Один — слева, другой — справа. Оба напряжённые, как струны, будто боялись малейшего его движения.

Он едва повернул голову — и те сразу дернулись, сглотнули, ладони напряглись.

Смешно. Ему уже вкололи лошадиную дозу успокоительного. Он еле держался. А они — всё ещё боятся.

Чэнь усмехнулся. У него были странные глаза, так называемые «три белка» — радужка узкая, со всех сторон окружена белком, из-за чего взгляд казался звериным, жутким.

Лицо — резкое, чересчур чёткое, как будто вырезанное из камня. Всё это придавало внешности пугающую, почти жуткую выразительность. Особенно, когда он улыбается. Тогда обнажается ряд острых, хищных зубов — длиннее, чем у обычного человека. Улыбка эта была не про радость — она напоминала угрожающую ухмылку зверя.

Стекло заднего окна было тонировано, но Чэнь Исунь всё ещё мог видеть — Сюй Сяочжэнь стоял вдалеке, окутанный бледным серым светом, вжавшись в себя, судорожно прижимая ладонь к шее. Последний взгляд — и сознание Чэня потянуло вниз, в чернильную вязкость медикаментов.

В темноте его разум снова наполнили воспоминания. Они колыхались, как свет луны на воде.

Он тогда сказал, что хочет в туалет. И, конечно, толпа сопровождения сразу двинулась за ним. Липкие комплименты, лстивые слова — всё это вызывало отвращение. Клыки непроизвольно прокололи губу. Он почувствовал вкус крови.

Дверь в туалет на четвёртом этаже была сломана. Висела на петлях, будто покосившаяся сосна, готовая упасть. Он пнул её — и вошёл.

Внутри кто-то вскрикнул:

— Кто там?! Совсем с мозгами плохо? Нормальный вообще?

Освещения почти не было, но он успел разглядеть. Мальчишка со светло-каштановыми волосами, только что умылся. Капли ещё висели на ресницах и на воротнике. Лицо бледное, свежее. Он бросил на него быстрый взгляд и тут же отвернулся.

Кто-то из сопровождающих шагнул вперёд и буркнул:

— Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?

И уже занёс руку для удара.

Но мальчишка оказался не из пугливых. Хватанул швабру из ведра:

— Её утром уборщица только что из туалета вытащила! Кто не брезгует — подходи!

Толпа попятилась, посыпались ругательства. А мальчишка — засмеялся. С искренним торжеством. С глазами, свернувшимися дугами.

Только он сам знал, что с первой же секунды — с первого взгляда на этого мальчишку — воздух вокруг словно заискрился. Жар пополз по коже. Он не просто разволновался — его накрыло волной возбуждения, такое не перепутаешь.

Он шагнул вперёд, без колебаний, обхватил его горло рукой и сжал.

Лицо мальчишки застыло в ужасе — и это было восхитительно. Он вдавил его лицом в воду, смотрел, как бьются руки, как срываются брызги.

А потом — упрямство. Даже когда он лежал, синяя, с тяжёлым дыханием, он всё равно пытался подняться. Нащупал палку, сжал её, собираясь ответить ударом, как только сможет дотянуться. Он просто наступил ему на руку — с хрустом, со всей тяжестью. И дождался: лицо скривилось от боли, губы дрожали, из горла вырвался сдавленный стон. Но глаза — покрасневшие, влажные — всё равно смотрели в упор. Ненависть, ярость, вызов.

Вот тогда-то он и понял: здесь будет не скучно.

До перевода в эту школу он не подозревал, что жизнь может быть такой интересной.

Даже теперь, под действием лекарств, сквозь полусон, тело отзывалось на эту память — пульс стучал в висках, кровь будто кипела. Он знал: даже если его сожгут и развеют по ветру, его пепел всё равно найдёт дорогу обратно.

...

Чжоу Янь посмотрел на него — взгляд странный, непроницаемый. Сюй Сяочжэнь поёжился, дотронулся до шеи. Четвёртый раз. За месяц — в одно и то же место. Проклятая метка. Как заклятье.

Ладно, Чжоу Янь — пусть, если уж на то пошло. Но с чего вдруг лезет этот Чэнь Исунь? Кто он вообще такой?

Если так и дальше пойдёт — до гноя дойдёт.

В голове Сюй Сяочжэнь Чэнь Исунь уже был проклят сто раз. Но когда он поднял глаза — лицо всё то же, солнечное, тёплое, как будто ничего не случилось. Улыбался Чжоу Янь — как мог.

Ведь по-хорошему, они сейчас как раз в самом начале — конфетно-букетный период, все чувства — через край. Ну не обнять, не прижать — так хоть бы взглянул на него, хоть бы улыбнулся.

А Чжоу Янь только мрачнел с каждой секундой. И в итоге просто развернулся и ушёл. Даже не глянул больше.

Сюй Сяочжэнь ничего не понимал. Утром ведь всё было нормально — он даже целовался с Чжоу Янем. А к вечеру тот будто и не знал его вовсе.

Ученики ещё не успели разойтись, так что Сяочжэнь не решился подойти. Остался в стороне, как и прежде, и пошёл домой один.

Дома его ждал новый удар: дверь была заперта изнутри. Сердце Сяочжэня подскочило — он забарабанил в дверь обеими руками, в голос звал:

— Чжоу Янь! Чжоу Янь, ты слышишь?! Чжоу Янь!

Звал, как душу потерянную. И чем дольше не было ответа, тем сильнее накатывало беспокойство. Всё, как тогда — он снова боялся, что Чжоу Янь начнёт его сторониться, смотреть с холодом, с отвращением. Что всё, чего они с таким трудом достигли, вдруг окажется ничем.

Сяочжэню стало горько. Сегодня ведь он пострадал — его укусили, его унизили. Так почему теперь ещё и Чжоу Янь на него срывается?

Но, честно говоря, постоянная злость Чжоу Яня была бы куда легче, чем эти качели: то тепло, то ледяной ветер. Сяочжэнь чувствовал себя мячиком, который швыряют в потолок, а потом дают упасть. Он не знал, в чём провинился, за что заслужил такое молчаливое отторжение. И что страшнее всего — не знал, когда его снова приголубят, а когда в следующий раз оттолкнут.

Лучше уж одним ударом — и конец. Без этой постоянной дрожи.

Он раньше почти не плакал. А теперь — будто за все прошедшие годы догонял. Глаза болели от слёз, будто в них пустота.

Он стучал в дверь так долго, что пальцы начали ныть — особенно два на правой руке.

И вот дверь наконец приоткрылась. Изнутри вылетела целая куча вещей: одежда, какие-то мелочи из ванной, даже та старая фотография в рамке, которую он прятал в самом углу шкафа.

Он не стал хватать всё подряд — первым делом кинулся за рамкой. Стекло треснуло, но сам снимок не пострадал.

На фото — двое мальчишек, держатся за руки. Оба в поношенных куртках, лица серые, измождённые. Старшему лет восемь-девять, младшему — года четыре, не больше.

Маленький с поджатыми губами и глазами, полными слёз. А старший... тот, кого ещё можно узнать — Сюй Сяочжэнь — выдавливая натужную, кривую улыбку.

Сюй Сяочжэнь собрал остальные вещи и снова подошёл к двери. Он был почти уверен — Чжоу Янь долго не протянет. Тот не создан для холодной войны — ему проще взорваться, чем молчать. Если уж злиться, так сразу и в лицо.

И точно — прошло совсем немного времени, как дверь распахнулась. Чжоу Янь стоял с перекошенным лицом, на шее вздулись жилы — видно, ярость закипала под кожей. Он резко схватил Сяочжэня и впился зубами ровно в то же место, куда его уже кусали сегодня.

Кровь, которую еле остановили, снова пошла ручьём.

Сяочжэнь сжал зубы — ему показалось, что он сейчас просто умрёт. В одно и то же место — уже пятый раз. Казалось, кожа вот-вот лопнет, и под ней всё сгниёт.

И вдруг... он понял. Это не просто злость.

Чжоу Янь — ревнует.

Каждый раз, когда Чэнь Исунь кусал его, Чжоу Янь обязательно оставлял свой след прямо поверх. Будто помечал — моё.

В груди у Сяочжэня что-то дрогнуло, тёплое, странное. Радость, что он всё-таки важен для Чжоу Яня. Пусть даже такая — зубастая, бешеная.

Он даже не выдержал, криво усмехнулся, сбитый с толку:

— Ты знаешь... Чэнь Исунь только что меня укусил, и ты сразу туда же... Это ведь получается, как будто вы с ним косвенно поцеловались?

На самом деле, для него главное — что Чжоу Янь равнодушен. Всё остальное можно

пережить. Даже кровь, даже боль. Он уже не чувствовал обиды. Ему даже шутить захотелось.

Но Чжоу Яня это только сильнее разозлило. Лицо у него перекошило, голос сорвался:

— Ты с ума сошёл, Сюй Сяочжэнь?! У тебя что, та же болезнь, что у Чэня? Он тебя укусил — и ты счастлив?! Не мог оттолкнуть? Или тебе нравится, когда тебя кусают?! Один раз мало, надо два?!

Сюй Сяочжэнь сразу понял — перегнул. Хотел как лучше, но только разозлил ещё сильнее.

Он обнял Чжоу Яня за талию, осторожно, как будто пытался успокоить раненого зверя. Тот отталкивал его, но он не отпускал.

— Нет... нет, я просто так сказал, правда. Я его оттолкнул — просто испугался, не успел сразу. Ну не злись, ладно? Всё равно он теперь — труп. Ты у нас взрослый, умный, не злись на покойника, хорошо?

Он чуть тише добавил, стараясь отвлечь:

— Хочешь, я тебе поесть приготовлю? Фрукты куплю? Что ты хочешь?

Чжоу Янь по-прежнему был мрачнее тучи, скинул его руки, но больше не пытался его выгнать.

А у Сяочжэня тем временем начало ломить пальцы — особенно два на правой руке. Боль тянулась до самого плеча, рука мелко дрожала.

Он испугался, что Чжоу Янь это заметит и снова начнёт волноваться, поэтому спрятал руку за спину, выдавил улыбку:

— Я за продуктами. Сейчас вернусь.

И почти бегом выскочил за дверь.

На этот раз Чжоу Янь, похоже, так просто не простит. А Сюй Сяочжэнь слишком дорожил той хрупкой теплотой, которая только-только начала у них складываться. Всё это — будто подарок судьбы, случайный, но тем более ценный. Он злился на себя — за глупость и за неуместные слова.

Деньги — чёрт с ними, ещё заработает. А вот если потеряет Чжоу Яня — второй раз такого человека он уже не найдёт.

Он сунул руку в карман, пересчитал немногочисленные купюры и направился к пункту приёма мусора.

□

Как только Сюй Сяочжэнь вышел, на запястье у Чжоу Яня раздалось едва слышное «пик-пик». Он нахмурился и ткнул по экрану. Да и не нужно было смотреть — и так знал, кто написал.

Мать. Единственный человек из семьи Гу, кто о нём по-настоящему заботился.

Она прислала короткое сообщение, по-своему ласковое: «Потерпи ещё чуть-чуть. Самое большее — полтора месяца, и ты вернёшься домой.»

Прочитав это, Чжоу Янь медленно выдохнул, напряжение в лице понемногу ушло. Голова прояснилась — и только теперь до него дошло, насколько нелепым и ненужным был весь этот всплеск ярости.

Он ведь уже почти уехал отсюда. Так зачем было всё это? К чему эти укусы, сцены, крики?

Скучно, наверное. Вот и разыграл мелодраму.

Но ведь он не собирается на самом деле забирать Сюй Сяочжэня к себе домой? Не жениться же на нём, в конце концов. Так зачем столько лишних эмоций?

Хочется — играй, получай удовольствие. Но без обязательств и привязанностей.